

КРИТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА И ПОСТКРИТИЧЕСКИЙ СДВИГ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЕ ГЕОПОЛИТИКИ

Игорь Юрьевич Окунев,

кандидат политических наук,

заместитель декана факультета политологии,

старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России

E-mail: okunev_igor@yahoo.com

В статье представлен обзор новой области геополитики, получившей развитие на Западе в последние два десятилетия, – критической геополитики. Анализируются методологические и тематические инновации этого направления, его противостояние классической геополитике, а также перспективы объединения оппонентов в рамках посткритического сдвига в исследовательской парадигме.

Ключевые слова: геополитика; критическая геополитика; пространственный миф; географическое воображение.

УДК 911.3:327

Геополитика как научная дисциплина до недавнего времени исходила из предпосылки, что пространство в некоторой степени способно детерминировать международные отношения и мировую политику. Однако в последние десятилетия её – пожалуй, чуть позже других социальных наук – затронул *постмодернистский сдвиг*: появилось целое направление, которое, отказавшись от глобальных рассуждений, обратилось к анализу того, как формируются конкретные *геополитические представления*. Представители этого направления предположили, что геополитика государств формируется не под влиянием фундаментальных естественных законов и структур пространства, а посредством географического воображения и пространственных мифов – другими словами, под влиянием мира *идеального*. Это предопределило обращение к новым методам исследования, в частности, дискурс-анализу, что до сих пор в геополитике казалось нонсенсом. Активно развиваемое новое направление получило название *критической геополитики*.

Свою историю критическая геополитика ведёт, по-видимому, с 1992 г., когда Джерард О’Тоал и Джон Эгнью опубликовали статью «Геополитика и дискурс: практические геополитические рассуждения в американской внешней политике» [O’Tuathail, Agnew 1992]. В ней была высказана мысль о том, что все модели глобальной политики находятся под влиянием или даже непосредственно основаны на географических представлениях, чего совершенно не учитывала классическая геополитика. Истоки направления, впрочем, по всей видимости, стоит искать во *французской геополитической школе*: трудах Ива Лакоста и Мишеля Фуше и даже глубже – в иконографии Жана Готтманна и географическом попсибилизме Поля Видаль де ла Блаша. Французская школа издавна оппонировала идеям географического детерминизма и пыталась выстроить альтернативную научную парадигму, что выразилось в появлении целого ряда геополитических течений, в частности – школы журнала «Геродот» Ива Лакоста. Его подход к пониманию взаимоотношений пространства и международных отношений очень близок критической геополитике.

Термин «критическая геополитика» был предложен Саймоном Дэлби и Джерардом О’Тоалом в конце 1980-х годов. Позже его стали использовать для обозначения нового

направления в англо-американской политической географии. Появление критической геополитики было вполне закономерным: в конце «холодной войны» многие американские и европейские ученые чувствовали необходимость «ухватить» на тот момент едва уловимую связь между идеями и политическими практиками, связанными с территориальным экспансионизмом и доминирующей ролью пространства. Рассматриваемое научное направление критикует приверженцев традиционного подхода за поверхностную трактовку политической карты мира, евроцентризм и оправдание милитаризации, приведшей к «гонке вооружений» в Европе и других регионах в послевоенный период [O'Tuathail 1999b]. Современная критическая геополитика отказывается от традиционных бинарных оппозиций (например, «внешний/внутренний», «Запад/Восток») и с учётом глобализации и информатизации предлагает вместо противопоставляющего бинарного («или») – объединяющий («и») подход.

По мнению О'Тоала, формальные географические рассуждения стоит отличать от *практических*, которые используются ответственными лицами в международной политической практике, а также популяризируются в СМИ.

Значение практических геополитических рассуждений может быть проиллюстрировано на примере термина «балканизм», обусловившего двойственность международной политики США в отношении распада Югославии. Жестокость, имевшую место на Балканах, можно объяснить несколькими историко-географическими причинами. Подробно этот случай рассмотрен в работе Марии Тодоровой [Todorova 1997]. Случайное «перемещение» названия полуострова на название региона и жестокие войны способствовали укреплению на Западе стереотипа о Балканах как о неблагоприятной и опасной территории. Балканы стали символом жестокости и нестабильности. Их географическое положение «на границе Европы» укрепляло стереотип о том, что Балканы не входят в состав Европы и служат неким пограничным регионом между ней и не-Европой. После Второй мировой войны, с приходом коммунизма появилась возможность развеять сложившийся стереотип. Понятие Юго-Восточной Европы для обозначения данного региона появилось в конце XIX в., но не прижилось. Причина в том, что этот термин легитимировал Балканы как часть Европы, а дурная репутация и этнические конфликты мешали такому признанию. Как утверждает М. Тодорова, именно образ «чужой», «другой» земли помешал европейским странам решительно вмешаться в конфликт летом 1995 г. и ввести войска: это означало бы признание Балкан критически важным регионом Европы, требующим стабилизации. То же обстоятельство побуждало США видеть в регионе потенциальную угрозу. Критическая геополитика, по нашему мнению, может способствовать изменению подобных стереотипов.

К концу 1990-х годов критическая геополитика превратилась в междисциплинарную исследовательскую программу, в рамках которой можно выделить четыре основных направления (см. *Таблицу 1*) [Dodds 2001].

Таблица 1.

Основные направления критической геополитики

Направление	Объект исследования	Тематика / проблематика
Формальная геополитика	Геополитическая мысль и традиция	Персоналии учёных, институты, идеи и их географический, исторический, политический и культурный контекст
Практическая геополитика	Практика управления государством	Географические и политические представления в их практической реализации – политических практиках
Популярная геополитика	Массовая культура, СМИ и географические представления	Воздействие геополитического образа на массовую культуру и формирование в обществе геополитических стереотипов
Структурная геополитика	Современное состояние геополитики	Влияние глобализации, информатизации и глобальных экономических преобразований на государственное управление

Можно утверждать, что критическая геополитика отошла от традиционного понимания концептов «политического» и «географического». Она вышла за рамки исследовательских задач, принимающих во внимание лишь физические границы, институт государственной власти и внешние условия. В сферу интересов критической геополитики вошли социальные науки, вопросы глобализации, идентичности и суверенитета.

Впрочем, помимо неоспоримых достоинств, критическая геополитика, по мнению Клауса Доддса, обладает существенными недостатками.

Во-первых, недостаточное внимание уделяется неевропейским геополитическим представлениям и формам правления. Так, например, развитие геополитической мысли в России оказалось гораздо шире, чем его представляли на Западе.

Во-вторых, было выявлено, что в англоязычной критической геополитике практически не затрагивалась постколониальная проблематика: опыт развития соответствующих территорий критическая мысль не учитывала вовсе. Подтверждением тому служит политика пищевой безопасности Китая, поставившая под сомнение аналогичную западную политику – вот яркий пример влияния культурного *контекста* на формирование геополитических представлений.

В-третьих, несмотря на уверения в обратном со стороны приверженцев критической геополитики, государство не отступает перед лицом глобализации, а реагирует самым жёстким образом. Это подтверждается, например, беспрецедентной жестокостью в Югославии и Руанде. На фоне «спонсорства» государством массовых убийств его миссия как института, призванного защитить права человека, и, соответственно, гуманитарная интервенция в большинстве случаев остаются «под вопросом».

В-четвёртых, критическая геополитика не включает в сферу своих интересов военную и стратегическую области. В качестве иллюстрации К. Доддс приводит бомбардировку китайского посольства в Белграде войсками США, которая, согласно официальным заявлениям Вашингтона, была трагической ошибкой, обусловленной устаревшими картами города. И это при том, что ежегодно в США немалые средства тратятся на разработку и развитие систем спутникового слежения! Если критическая геополитика готова предложить альтернативу идеологии милитаризма, она должна обратить внимание на геополитические рассуждения конкретных государств, в данном случае – США.

Кроме того, в рамках критической геополитики проводится недостаточно *этнографических* исследований, посвящённых формированию и развитию геополитических концептов в сознании обывателей. Например, новому направлению стоило бы заняться вопросом и формировании «воображаемых сообществ»: как происходит идентификация определённого национального опыта и причисление себя к сообществу, члены которого обладают этим признаком. Таким образом, по словам А. Линде-Лорсен, история «территориализируется», а территория – «историзируется» [Linde-Laursen 1995: 1123]. Помимо прочего, критическая геополитика должна отражать отношения между географическими представлениями официальных лиц (практиков государственного управления), интеллигенции и массовыми рассуждениями, а также результат их взаимодействия с массовой культурой.

По мнению Клауса Доддса, недостаточное внимание критическая геополитика уделяет пока и *гендерному* вопросу. Интересным предметом изучения могло бы быть влияние секретариата политических учреждений (по большей части – женского пола) не только на формирование политической программы государства как таковой, но и на баланс сил внутри структур, а также на развитие политических интриг.

Англоязычная геополитика, очевидно, проявляет особую озабоченность вопросами этики и морали, в особенности такими как права человека, этнические чистки и геноцид. В 1995 г. в боснийском городе Сребреница разворачивались кровавые события: сербские солдаты напали на славян-мусульман, более 8000 человек было убито. За жёсткой критикой «провальной» политики безопасности ООН в Боснии и Герцеговине, высказанной приверженцами критической геополитики, не последовало *конкретных* решений миротворческих вопросов или альтернативных стратегий. К. Доддс предлагает уделить большее внимание

конкретным персоналиям миротворческих сил – официальным лицам, которые принимают решения о необходимости вторжения, обстрела или доставки гуманитарного груза непосредственно на местах. Степень общей вовлечённости критической геополитики в военную сферу должна существенно возрасти – равно как и тщательность исследований, посвящённых влиянию географических представлений на организацию шпионажа, выбор цели, операции на местности и гуманитарную интервенцию.

Недавнее распространение демократии и возникновение демократических государств в Латинской Америке, Восточной Европе и Азии вызвали новый этап размышлений на тему демократии и космополитизма внутри критической геополитики. К. Доддс с сожалением констатирует существование опасности превращения демократии в оружие в руках мощных государств (что уже прослеживается на примере Великобритании и её бывших колоний). Открытым остаётся вопрос об организации политической жизни без территориального концепта сообщества (и демократии), который будет недостаточно универсален для применения в вопросах миграции, диаспоры и гибридных культур.

Ещё одна область, которая вызывает интерес – это осознание опасности, вызванной сначала успехом научно-технического прогресса, а затем его неизменным и избыточным присутствием в нашей жизни. У. Бек полагает, что угроза окружающей среде представляет собой первостепенную проблему для общества риска [Beck 1992]. Одним из самых актуальных станет вопрос, каким образом общество риска сможет препятствовать угрозам и защитить уязвимые места? Смогут ли структуры власти, ассоциируемые с глобальным капитализмом, признать собственную несостоятельность перед лицом конкретных кризисов – или и далее риски будут только увеличиваться? Следует принимать во внимание и вред окружающей среде, наносимый поддерживающим современные капиталистические структуры потреблением.

Новым этапом в развитии критической геополитики стала работа Фила Келли «Критика критической геополитики» [Kelly 2006]. Статья посвящена сравнительному анализу традиционной и критической геополитики, проводимому по разным критериям. Будучи приверженцем первой, автор отмечает состоятельность обоих направлений и утверждает, что именно комплексное их рассмотрение даёт возможность полнее представить геополитику в контексте как географии, так и исследований международных отношений.

Для проведения сравнительного анализа необходим новый уровень оценки, который бы позволил объективно сопоставить две тенденции в рамках геополитики, не солидаризируясь полностью ни с одним из существующих лагерей. Такой подход Ф. Келли называет *критикой критической геополитики*. Традиции он противопоставляет одно из двух течений, существующих внутри критического подхода – *деконструктивистское*. Оно предполагает исследование текстов и дискурса в контексте международной политики и традиционных геополитических утверждений и теорий и представлено ключевыми работами О'Тоала [The geopolitics... 1998; O'Tuathail 1999b]. Сравнение проводится по девяти критериям.

1. Уровни анализа.

В иерархии от индивидуального уровня до национального и международного обычно внимание уделяется лишь одному уровню. Критическая геополитика сосредоточивается на социальном уровне или уровне принятия решений. В традиционной же внимание уделяется объективным причинам и процессам, возникающим из глобальных или региональных структур, фоку сдвигается на международный уровень.

2. Конфликт модернистов и постмодернистов.

Постмодернистские антипозитивистские и антиструктуралистские взгляды («в основе всех процессов лежат знание и власть») не чужды критической геополитике. По мнению О'Тоала, на создание нового политического окружения повлияли многие процессы, в том числе – глобализация корпораций и рынков, слияние информационных и коммуникативных технологий, детерриториализация национальных правительств и исчезновение государства в прежнем его понимании – процесс глокализации [O'Tuathail 2000]. Классическая геополитика в духе позитивизма исходит из предположения, что методология естественных наук приме-

нима к наукам социальным и позволяет получать некие объективные результаты; что все люди, включая государственных лидеров, в своём поведении действуют из соображений «ожидаемой пользы» или вознаграждения.

«Минусом» критического подхода становится необходимость постоянно перестраивать и «подгонять» концепты под изменяющийся объект исследования, что снижает точность. Классическая геополитика основана на ложном постулате о неизменности социального и политического устройства. Мы убеждены в необходимости учитывать оба подхода для продуктивного решения геополитических задач.

3. Цель «проблематизации» классической геополитики.

Критическая геополитика не принимает классическую теорию «как есть» и настаивает на открытости политической географии для методологических и концептуальных инноваций. Предполагается поиск альтернатив нынешнему состоянию мира – в частности, решение проблем, присущих обществу риска и связанных с загрязнением окружающей среды. Традиционный подход не рассматривает геополитику как орудие управления государством. По словам О'Тоала, он рассматривает геополитические процессы «с высоты Олимпа» [O'Tuathail, Dalby 1998: 6]. Способность к наблюдению – сильная сторона классического подхода, но внимания к социальному значению наблюдаемых процессов явно не хватает.

4. Онтологическая перспектива.

В понимании модернистов объективная реальность наблюдаема извне; для постмодернистов она не существует нигде. По мнению критического геополитика Лесли Хеппла, геополитические тексты по определению необъективны: они основаны на власти/знании и служат интересам определенных групп, помогая узаконить намеченные перспективы и интерпретации [Hepple 1992: 139]. Критическая геополитика не видит смысла в классической, коль скоро она рассматривает подвергшиеся субъективизации факты в качестве объективной реальности. В классической геополитике политика государств определяется географическим положением в не меньшей степени, чем другими объективными и субъективными непространственными факторами.

5. Эпистемологическая перспектива.

Позиции двух направлений относительно возможности объективного научного объяснения политики существенно различаются. Для критической геополитики наблюдения отдельных лиц, включая государственных деятелей, не могут быть объективными, поскольку объект наблюдений и наблюдающий неразделимы. По мнению О'Тоала, западная геополитика до сих пор описывает воображаемый мир с имперской позиции [O'Tuathail 1997: 42; см. тж.: O'Tuathail 1996: 23-24]. В классической геополитике отношения между географическим положением и международной политикой могут быть установлены с помощью научных теорий, основанных на наблюдениях, интуиции и статистических исследованиях. Объект наблюдения и наблюдающий разделимы. Традиционный подход оказывается инструментом в руках государственного деятеля, поскольку опирается, в первую очередь, на географическое положение, а не на социальные и политические представления властной «верхушки».

6. Господство власти.

Для критической геополитики география есть наука о власти, и изучение геополитики означает наделение пространственными характеристиками господствующих геополитических сил и государств. В классической геополитике сила государства и его развитие зависят от географических факторов, например, континентального или морского положения, размещения в центре или на периферии, запасов полезных ископаемых и т.п. Сила господствующих государств обусловлена более выгодным положением и географическими преимуществами. Функция геополитики в последнем случае становится консультативной: она позволяет советовать представителям власти, как грамотно использовать имеющиеся объективные и материальные преимущества.

7. Предмет исследования.

Адепты критического подхода утверждают, что геополитика – это дискурс, касающийся связей между властью/знанием и социальными/политическими отношениями. Они

настаивают на интерпретативном понимании мировой политики; следовательно, их основная задача сводится к толкованию явлений внутри контекста теорий мировой политики, а не усвоению допущений и представлений традиционного подхода. Классическая геополитика изучает историю и географию, особенно их связи с дипломатией и стратегией для создания теории влияния географических факторов на международную политику. Эта теория служит полезным теоретическим и практическим средством для понимания определённых сфер международных отношений и выработки соответствующих политических решений.

8. Вневременной аспект геополитики.

С позиций динамичности два геополитических подхода кардинально различаются. Критическая геополитика основывается на «хронополитике» – высоких скоростях и киберпространстве. В её фокусе – мир, полный таких актуальных угроз «общества риска» как отрицательные последствия индустриализации, финансовая глобализация, обособление бедных регионов и «информациализация» (возрастающие скорости передачи и количество информации). Классическая геополитика, напротив, зиждется на «вневременных ценностях» и отстаивает постоянство географических факторов, влияющих на политику; апеллирует к географическому положению как существенному ориентиру для любого политического деятеля.

9. Необходимость свободы.

Критическая геополитика критикует евроцентричность и приверженность бинарным оппозициям и устойчивым иерархиям. Так, дихотомия «Мы – Они» рассматривается как причина возникновения государств-изгоев, экологических угроз, контрастов между стабильностью в центрах и крайней неустойчивостью на периферии. В то же время Ф. Келли замечает, что критический подход не предоставляет ни ясной картины возможных улучшений, ни путей решения всё более усложняющейся ситуации. В классической же геополитике проблема борьбы за свободу, как и проблема господства власти, остаются за пределами исследовательского фокуса. Они воспринимаются как уже состоявшийся факт, вне зависимости от его демократической или недемократической природы. Классическая геополитика вообще не ставит своей целью переустройство международной системы.

Итак, у обоих подходов есть свои достоинства и недостатки. Ф. Келли резюмирует, что основными «минусами» традиционного направления служат: отсутствие чётко сформулированных целей и чётко обозначенной сферы интересов; опора на рациональность и игнорирование актуальных процессов, проблем и технологий. В то же время обвинения в адрес классического подхода, связанные с якобы чрезмерными упрощениями, беспочвенны, т.к. упрощение – это один из необходимых приёмов обработки информации. Ф. Кейли полагает, что приверженцы критической геополитики недооценивают достижения традиционного подхода, что способствует углублению конфликта между ними. Между тем, сама критическая геополитика чересчур сосредоточена на дискурсе, уделяя недостаточно внимания процессу принятия решений.

С развитием критического направления появился миф о том, что география как наука суть империалистическое явление, которое не может идти «в ногу со временем» и поспевать за развивающимся миром, новыми технологиями и процессами детерриториализации и глокализации. Как резонно замечает Ф. Келли, сторонники традиционной геополитики, в свою очередь, могли бы упрекнуть приверженцев критической географии в солидарности с радикалами.

Подводя итоги, Ф. Келли утверждает, что два подхода в геополитике могут прекрасно дополнять друг друга. Он не теряет надежды на то, что в перспективе они смогут прийти к консенсусу, сделав тем самым крупнейший шаг в развитии геополитики. Если эти надежды оправдаются, можно будет говорить о переходе западной геополитики к новой фазе своего развития – *посткритической*, в которой традиционный предмет геополитики (география международных отношений) уже рассматривается с учётом критики детерминистских представлений, свойственной критической геополитике. Важным методологическим новшеством посткритической геополитики становится отказ от построения универсальных концепций

геополитического обустройства мира и переход к *глубинному анализу пространственных факторов*, определяющих развитие политических процессов.

Предложенная критической геополитикой исследовательская парадигма, по всей видимости, будет с трудом восприниматься консервативной *русской геополитической школой*. Тем не менее, стоит признать, что и в России в последние десятилетия развились исследования схожие по методологии и концептуальной базе (в частности, *гуманитарная география* Д.Н. Замятина или *геополитология* М.В. Ильина), причём произошло это параллельно и без всякой связи с тенденциями в англо-американской критической географии. Остаётся надеяться на то, что конвергенция научного знания, созданного критической геополитикой на Западе, с российскими исследованиями вполне возможна и весьма вероятна в ближайшем будущем.

Литература

- Beck U. Risk society. L.: Sage, 1992.
- Dodds K. Political geography III: Critical geopolitics after 10 years // Progress in human geography. 2001. Vol. 25. No. 3. P. 469-484.
- Heppele L. Metaphor, geopolitical discourse and the military in South America // Writing worlds: Discourse, text and metaphor in the representations of language / Ed. by T. Barnes, S. Duncan. L.–N.Y.: Routledge, 1992. P. 136-154.
- Kelly P. A critique of critical geopolitics // Geopolitics. 2006. Vol. 11. No. 1. P. 24-53.
- Linde-Laursen A. Small differences – large issues: The making and remaking of a national border // South Atlantic quarterly. 1995. Vol. 94. No. 4. P. 1123-1144.
- O'Tuathail G. Critical geopolitics: The politics of writing global space. Minneapolis: University of Minnesota press, 1996.
- O'Tuathail G. A strategic sign: The geopolitical significance of 'Bosnia' in US foreign policy // Environment and planning D: Society and space. 1999a. Vol. 17. No. 5. P. 515-533.
- O'Tuathail G. Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society // Journal of strategic studies. 1999b. Vol. 22. No. 2/3. P. 107-124.
- O'Tuathail G. The postmodern geopolitical condition: States, statecraft and security at the millennium // Annals of the Association of American geographers. 2000. Vol. 90. No. 1. P. 166-178.
- O'Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography. 1992. Vol. 11. No. 2. P. 190-204.
- O'Tuathail G., Dalby S. Introduction: Rethinking geopolitics: Towards a critical geopolitics // Rethinking geopolitics / Ed. by G. O'Tuathail, S. Dalby. L.–N.Y.: Routledge, 1998. P. 1-15.
- The geopolitics reader / Ed. by G. O'Tuathail, S. Dalby, P. Routledge. L.–N.Y.: Routledge, 1998.
- Todorova M. Imagining the Balkans. N.Y.: OUP, 1997.